

Продолжаем публиковать фрагменты¹ воспоминаний княгини Веры Дмитриевны Лобановой-Ростовской (1870–1943), урождённой Калиновской, бабушки известного общественного деятеля, коллекционера, мецената Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Ранее текст никогда не был опубликован на русском языке. Здесь представлены извлечения из глав № 7 «Муть»; № 8 «Наваждение»; № 9 «Смутные дни в деревне»; № 10 «Переезд в город»; № 11 «Возвращение детей к Рождеству 1918 г.»; № 12 «Луч света в уездной жизни. Быт. Арест мужа — 1918 г.»

МУТЬ

А война, тем временем, разгоралась всё сильнее и сильнее, и всем становилось уже ясно, что в два-три месяца она не окончится. К зиме я проводила детей на работу по уходу за ранеными. Королева эллинов, Ольга Константиновна², приняла их в отряд своего имени. Она не забыла предупредить старшую сестру о приезде моих дочерей и поручила их её заботам. Дети мне писали потом с Западного фронта как об этом, так и о чрезвычайно сердечном отношении к ним всего персонала...

В таких переживаниях прошёл пятнадцатый год и начался шестнадцатый. В это время мы уже покинули Одессу и частью жили, а частью проводили лето на хуторе Захарино, при селе Тихом. Оно было приобретено из-за отличного нового дома. Захаринскому же было около двухсот лет, и потому зала и гостиные его подпирались в последнее время балками.

Ксения и Лена³ одновременно приехали ко мне на двухнедельные побывки. Я была бесконечно счастлива увидеть моих дочерей, хотя и попеременно. Казалось, что им не хватало дня, чтобы рассказать мне все свои впечатления. Часто, уже вечером, Лена приходила ко мне в комнату, садилась на кровать и, откинув свои золотистые косы, с жаром передавала мне всё, что приходилось ей пережить. Когда она вспоминала о свежих могилах, ясные голубые глаза её потухали и из них лились слёзы. Они вновь оживали, когда, опять одушевляясь, она рассказывала о красотах природы, о светлой заутрене в сосновом бору при отдалённых раскатах снарядов, о заброшенных усадьбах в гористой Галиции, о прелестных садах без хозяев, но в цвету, о геройстве и других дивных качествах нашего солдата. Бывало, только в час или в два часа ночи мне удавалось отправить её спать. Эти рассказы были описанием картин, из которых одна была поэтичнее другой. Её глаза видели то, чем жила душа.

Характер передаваемого Ксенией был иной: я слушала зрелый пересказ тяжёлых обстоятельств затяжной войны, вместе с нею переживала горе беженцев в Волынских лесах, их истощение, их тяжёлую долю, переживала и наше наступление в Галиции, и отступление, и много всяких других военных событий. Её быстрый взор схватывал сразу всю обстановку дела и видел как хорошие стороны, так и недочёты. Она, кажется, хотела бы всюду стремительно помочь и всё исправить своей несокрушимой энергией. Среди других бумаг у меня хранились полученные ею письма от солдат. Более трогательной благодарности мне не приходилось читать. Они все называли её матерью, называли даже своим жёнам и детям, у кого таковые имелись, до конца жизни на молитве поминать спасшую им жизнь сестрицу. Военное начальство четыре раза представляло её к военной награде

¹ Публикатор Н.Д. Лобанов-Ростовский; примечания к данному изданию Лилии Умновой и Екатерины Федоровой.

² Великая княжна Ольга Константиновна (1851–1926) — дочь Великого князя Константина Николаевича, внучка императора Николая I. Замужем (1867) за Королем Греции Георгом I (убит в марте 1913 г.). Широко занималась благотворительностью, среди ее начинаний создание военно-морского госпиталя в Пирее, где находилась база российского флота, и медицинских курсов для женщин, на которых училась и она сама. С начала Первой мировой войны находилась в России, работая в госпиталях.

³ «Ксения» старшая дочь автора, княжна Ольга Николаевна Лобанова-Ростовская; «Лена» — «сгинувшая в Совдепии» младшая дочь, княжна Лобанова-Ростовская, подлинное имя пока не восстановлено.

«за храбрость». Немало было рассказов и о разных сватовствах. Обращались и ко мне, прося руки то одной, то другой дочери, но я неизменно откладывала всё это до конца войны, как желала этого Ксения и как, я думала, будет лучше для Лены при её крайней молодости и неопытности...

**«Тыл может в последний момент
погубить Россию...»**

Только успела я проводить моих девочек, как дня через два приехал к нам в деревню в последний раз из лагеря и Никита¹; ему не пришлось на этот раз увидеть ни сестёр, ни отца. Это был стройный, высокий и ловкий юноша, казалось – прирождённый кавалерист. Нервный, патристически настроенный, он рвался на войну. Думалось, что он не может пережить этих нескольких месяцев, которые отделяют его от времени отправки на фронт. Он описывал мне все сражения, не видел их, обрисовывал с точности зрения стратега все положения и передавал соображения тех высших знатоков дела, которые во время лекций разъясняли им, слушателям, как частичные результаты военных действий, так и общие возможные выводы из накапливающегося опыта мировой войны. Но Никита не был простым пересказчиком; он проявлял много инициативы в обсуждении разных положений. Живые глаза его загорались внутренним огнём, и дорогая родина всегда выходила у него в конечном итоге победительницей.

*Княгиня Вера Дмитриевна
Лобанова-Ростовская. София*

«Нехорошо, что били, нехорошо, что есть человек, которого всем хочется бить...»

Затрагивал он и больные вопросы столицы.

– Нехорошо в Петрограде. Осенью приедешь, сама увидишь, мама. Тыл может в последний момент погубить Россию. Я тебе не рассказывал раньше, как прошлым летом пажи и несколько офицеров, напившись для храбрости, били Распутина² в ресторане мёртвым боем, перебили ему холодным оружием несколько рёбер, а когда он упал – топтали его, надеясь добить ногами; но увидев, что он ещё дышит, раскачали что есть духу и выбросили со второго этажа на улицу...

Меня ведь уговаривали тоже участвовать в этом, но мне это показалось отвратительным, и я наотрез отказался. А как он оказался живуч: отлежался ведь в Царскосельском госпитале и опять безобразничает. Интересно, что полиция никого из пажей и офицеров даже не тронула! Но ведь Распутин через неделю, когда пришёл в себя, должен же был вспомнить фамилии своих истязателей! И бить-то пошли на подбор из таких семейств, чтобы и взыскивать-то было труднее... Не тронули, не посмели... А почему он жив остался? Ведь доктора говорили, что от половины таких ран и повреждений другой бы на тот свет отправился.

Безнаказанность этого преступления показывает, что царствует уже не прежняя сильная власть, а общественное мнение... Нехорошо всё это. Нехорошо, что били, нехорошо, что есть человек, которого всем хочется бить. Если бы ты знала, что я вижу и слышу от товарищей, в их семьях и у знакомых! А ведь всё это сливки сливок Петроградского общества. Аристократия из-за Распутина отвернулась от Престола. Мама, это к добру не приведёт. Иной раз мне хочется, пока я молод, умереть в бою за Родину, – прости, что я тебе это говорю, но так лучше, чем смотреть на петроградскую гниль.

Мама, это крупнейшая ошибка: почему они этого мужика-конокрада не прогонят? Ведь ты помнишь – недалеко ходить – у нас в Рукавишникове Мария Синягина не хуже кровь заговаривала. Пом-

¹ Князь Никита Иванович Лобанов-Ростовский (1898–1921); подлинное имя сохранено.

² Распутин (Новых) Григорий Ефимович (ок. 1864 (или 1872) – 1916), крестьянин с. Покровского Тобольской губ. Приобретя славу старца, с 1905 г. приблизился к семье Императора Николая II. Обладая способностью останавливать мучительные приступы гемофилии у Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, пользовался неограниченным доверием Императрицы Александры Федоровны. Убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина губительным для монархии.

*Великая княжна Ольга Константиновна,
королева Эллинов*

*«Ксения»,
княжна Ольга Николаевна Лобанова-
Ростовская. София*

нишь, как Серёжа¹ разбился, и как ты испугалась, когда он весь кровью залился? А она вмиг рану промыла, прочла молитву, что-то пошептала, подула, и кровь стала в ране, как в озере, побежать не смела; через час она сгустилась и образовалась плёнка. Ведь в народе эта сила заговора есть, нашли бы другого..., не возились бы с этим ужасным мужиком: сраму то сколько, и у себя, а главное – за границую! Мама, ну а ты что думаешь?

– Деточка моя дорогая, я свою думу думаю, непохожую на петроградскую. Вот что я тебе скажу: меня одно время смущали эти разговоры, шедшие даже от лиц, которым, вследствие большой близости их ко двору, нельзя было не доверять, – потому я и склонна была кое-что допустить.

Но мне пришлось однажды, совсем ещё недавно, видеть Распутина и хорошо к нему приглядеться, и у меня создалось непосредственное впечатление, а для суждения это уже известный фонд. Также мне пришлось видеть недавно и Императрицу в московском дворце, и довольно долго с глазу на глаз разговаривать с нею по делу.

Видела я Императрицу много раз и раньше – на коронации, на приёмах, на балах и парадах... Когда взоры тысяч людей были на неё устремлены – она это чувствовала и ей это было очень тяжело, вызывало с её стороны сильное напряжение воли, чтобы не высказывать своего смущения, так как по характеру своему она очень скромна и даже застенчива. При таких обстоятельствах трудно было наблюдать за внутренним её человеком. Но в обстановке полного *relachement*², когда при непринуждённом обмене мыслей и полном отсутствии ужасного чувства, что все насторожились и вас слушают – с яркостью проявляются все качества души и дают возможность опытному человеку получить данные для дальнейших суждений. На основании как этого, так и собранных мнений серьёзных людей, которым я вполне могу доверять, я пришла к заключению о многих качествах Императрицы Александры Фёдоровны.

Но раньше я скажу тебе несколько слов о Григории: это умный и в высшей степени одарённый человек, но находящийся во власти тёмных сил, – потому его дары не помогают ему, а, наоборот, придают только яркость его моральному падению. Прибавь к этому полное отсутствие в нём культуры и элементарного образования, которые бы сдерживали хоть несколько разнузданный, бесшабашный разгул этого зазнавшегося хама.

¹ «Серёжа» князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1900– после 1952?)

² Расслабление (фр.)

Явление Божией Матери преподобному Серафиму Саровскому в день Благовещения 1831 года. Монахиня Серафима (Петракова). Ок. 1901.

Григорий Распутин (Новых)

Рассказ о преподобном

Чтобы объяснить тебе, о каком таланте и о каких дарованиях я говорю, приведу пример человека, не загубившего их в себе, а развившего в течение земной жизни. Во второй половине восемнадцатого столетия родился в Курске, в мещанской семье, мальчик Прохор Мошнин¹.

К семнадцати годам он обратился в чрезвычайно красивого, богатырски сложенного юношу, обладавшего величайшим даром любви к Господу и ближним, одарённого большим умом и волею. Зная направление своих чувств, он ушёл туда, где мог их совершенствовать. И действительно, в течение сорока восьми лет школою его подвига была Саратовская обитель и небесная церковь, которую он себе приблизил бездонною к ней любовью и непоколебимой верой.

И когда Прохор обратился в иеросхимонаха Серафима и вступил, по особому разрешению Пресвятой Богородицы, в чьём водительстве он всегда находился, на путь открытого старчества, – ему было уже шестьдесят пять лет². Его прозорливость, его дары, его чудотворения, его многообразные исцеления душ и телес страждущих давно уже признали за ним право называться величайшим святым нашего времени, имя которого редкий русский человек не произносит без внутреннего трепета и умиления.

Что Распутин сделал с великими дарами?

Посмотри теперь на Распутина: во второй половине девятнадцатого столетия в Сибири жил крестьянский юноша Григорий, обладавший даром острого ума, предвидения, исцеления и остановки крови. Что же он сделал с этими великими дарами? Стал ли он приумножать их в духе пророка

¹ Прохор Исидорович Мошнин — мирское имя преподобного Серафима Саровского. Родился 19 июля (1 августа) 1754 г.

² Краткая хронология монашеского пути прп. Серафима такова: 20.11.1778 он поступил в Саровскую пустынь; 13.08.1786 пострижен в монашество с именем Серафим; в том же году рукоположен в иеродиакона; 2.09.1793 рукоположен в иеромонаха; через год переселился на жительство в Дальнюю пустыньку в Саровском лесу; 8.05.1810 переселился в монастырскую келью и ушел в затвор, неся подвиг безмолвия; в сентябре 1815 г. по повелению явившейся ему Божией Матери начал принимать посетителей и давать советы; 25.11.1825 по повелению Божией Матери вышел из затвора и принял непрестанное попечение о Дивеевской общине; 2/15 января 1833 г. отошел ко Господу в коленопреклоненной молитве перед образом Пресвятой Богородицы «Умиление».

Мошнина или в духе мирского, но мудрого человека? Да нет же, он просто вместо того, чтобы силою воли направить их на добро, употребил их во зло и, быв по фамилии Новых, получил прозвище Распутина. Он безобразничал, дрался, пил, не просвещал своего ума.

Но вот и у него наступил момент просветления. Григорий стал послушником одного из монастырей. Тогда-то многие из наших чтимых иерархов, встречаясь с ним, были поражены его дарами. Оставив монастырь так же легко, как и всякое другое из своих увлечений и попав в среду, ему непривычную, он при первом успехе потерял голову. Тут-то дьявол окончательно и овладел им. Хам вышел наружу, и Григорий с тех пор не щадил ни двора, ни себя.

А силы Григория большие и удивительные, лицо его замечательно и ужасно: на тебя глядят точно режущие, совершенно светлые небольшие глаза, сидящие в громадной орбите абсолютно чёрного цвета. Смотреть на него нельзя без внутреннего содрогания – из таких людей выходят деревенские колдуны. Вспомни действительно бывший случай, рассказанный так талантливо М.В. Лодыженским в его книге «Невидимые волны»¹.

Да опять-таки: у нас в деревне, недалеко от Рукавишниково жил колдун, который в церковь никогда не ходил и никогда не приобщался². Он мог наводить мор на скот, отводить людей от их долга, внушать недолжную привязанность и всячески за мзду продавал свою совесть. К нему шли гонимые страстью или потерявшие равновесие несчастные люди. В прошлом году он умер.

Наш батюшка мне рассказывал, что это была лютая смерть: в течение четырёх суток душа его никак не могла отделиться от грешного тела³. Он кричал, молил его убить, судороги сводили его лицо, руки и всё тело. Он всё повторял, или, скорее, рычал, что сатана со своими слугами начал его истязать уже при жизни. Руки и ноги колдуна были так сведены в момент смерти, что их пришлось сломать, чтобы положить его в гроб, а смрад от него шёл такой, что, несмотря на зиму и немедленные похороны, никто, кроме духовенства, не мог остаться в храме, хотя и много любопытных набралось к этому отпеванию. Одним словом, батюшка был не в состоянии передать без чувства содрогания всех подробностей этой ужасной смерти.

«Старчество в лице Распутина будет осмеяно, а главное, опошлено...»

Ведь дары требуют или небесного воспитания, то есть подвига, или земного, – то есть шлифовки при помощи специально знающих своё дело людей. Иначе таланты и дары, как особый груз, будут непосильны человеку и могут раздавить его духовно. Григорий на подвиг не пошёл, воспитания не получил, и вот – земля его исковеркала.

Но моменты у него были замечательные, показывающие, чем бы он мог быть, имей он другие тяготения и другой характер! Наша обида и огорчение двойные: и в России мы тужим из-за Григория, да и за границу стыда немало терпим. Ведь там этих тонкостей не понимают не потому, что не могут, – их культура так высока, что они всё могут понять, всякую тень тени; но вследствие того, что они не могут постичь непонятную для их реалистического ума духовную сторону этих явлений.

Они пишут и рассказывают, что при Русском Дворе находится его злой гений – скверный монах, или, что ещё хуже – сибирский старец. Кто возьмёт на себя труд доказать, что это неправда и ложь, которую мы чувствуем и знаем, потому нам это так и больно!⁴ Здесь явное поношение самого драго-

¹ У Лодыженского весьма реалистично и в соответствии с этнографическими записями и представлениями этнографов данного времени описывается колдовство деревенского колдуна Ивана Батогина, которого склоняют употребить свои силы и магические знания на безнравственное дело — отнять деньги ворожкой у «никому не нужной» и богатой «святоши и ханжи», старухи-помещицы (некоторая «переключка» с «Преступлением и наказанием»). «И сила у него по заговору большая. Только вот насчет молитвы он плох; этого не может. Во святых ему не быть... – пояснил Никитка. – Не старец он а, значит, колдун... Креста боится... Вы, баре и офицеры там разные, этого не понимаете... не понимаете, как в молчанку можно разговаривать и приказания давать, а мы знаем, что такое дух, какая в человеке сила...» Заговор не удается потому, что в момент колдовства он видит помещицу молящейся и пугается креста. (Гл. VII-IX).

² Т.е. не причащался Святых Христовых Таин в церкви после исповеди для очищения души и прощения грехов.

³ По многочисленным этнографическим записям колдун не может «уйти», не передав своего черного умения кому-либо из живущих, и страшно мучается перед смертью.

⁴ Этот труд взяли на себя русские люди: писатели, государственные и военные деятели, – поставившие цель обличить клевету и засвидетельствовать правду о царствовании последнего Государя и опубликовавшие в изданиях Русского Зарубежья в 1920-х годах свои документальные свидетельства. Большое место в этих публикациях занимают размышления о роли Распутина в русской катастрофе. См.: Н. Обручев. Подлинный облик Царя-мученика как человека, христиана-

*Князь
Никита Иванович Лобанов-Ростовский*

*Императрица
Александра Фёдоровна*

ценного, самого прекрасного явления нашей русской жизни, поношение тонкое и преднамеренное, известно, откуда исходящее. Небольшою баснею могу пояснить тебе мою мысль: в какой-то стране приказано было убивать волков, а через границу её перебежал заяц. Когда его спросили о причине его бегства, он ответил: когда меня убьют, я не в состоянии буду доказать, что я заяц, а не волк. Вывод понятен: после того, как старчество в лице Распутина будет осмеяно, а главное, опошлено, трудно станет восстановить понимание всего величия этого явления нашей жизни.

Государыня Александра Фёдоровна не в силах разобраться...

Теперь перейду к другому лицу нашей русской трагедии. Государыня хорошая, не фальшивая и даже подчас слишком прямая женщина, прекрасных и благих намерений, сильной воли, огромной энергии и трудолюбия, но не в её силах было разобраться в создавшейся тогда обстановке, что мало принимается в расчёт при суждении о ней. Своих прелестных детей она воспитывает в духе труда, не позволяя им предаваться праздности и подавая пример не терять драгоценного времени напрасно, будучи всегда занятой с утра до вечера каким-нибудь делом. Как женщина, она, повторяю, очень скромна, красотой своею никогда не кичилась, искренне и всем существом своим полюбила Россию, искренне стала православною, искренне же восхищалась русским искусством, стараясь повсюду разыскать его проявление.

Она основала для этого школу в Петербурге¹. Там, шаг за шагом, по затерянным лоскуткам и образчикам восстановилась целая отрасль старинного русского производства, которая иначе могла

нина и монарха; князь Д. Оболенский. Император Никололай II и его царствование; Н.А. Павлов. Его Величество Государь Никололай II; Н.М. Тихменев. Духовный облик Императора Никололая II и др. // Царь и Россия. Размышления о Государе Императоре Никололае II / сост. П. Белоусов. М.: Отчий дом, 2017.

1 Школа народных ремесел (затем «Школа Народного Искусства ея Великой Государыни Императрицы Александры Фёдоровны»). В 1915 г. место для нее подобрал Император Никололай II. Здание (наб. Екатерининского канала, 2) было построено по проекту архитекторов Н.Е.Лансере, Л.Н.Бенуа и И.Ф.Безпалова. Школа существовала до 1918 г. А. И. Бенуа назвал ее «женским университетом фольклора». В 1919 г. была реформирована в «Техникум кустарной промышленно-сти».

совершенно исчезнуть. Там ткнут ковры, которые можно было найти только у наших бабушек, и полотно, и скатерти уже исчезающего качества и узора; там шьют, вышивают, плетут и восстанавливают русские красоты.

Эта школа русского искусства не рекламируется, о ней знает очень мало людей, и надо преклоняться перед её вдохновительницей. Я была в этой школе лично, приносила туда образчики старинных узоров и производства, которые перешли мне от матери и бабушки, и могу судить о прекрасной и серьёзной постановке её, проводимой всё той же Императрицею, которую упрекают в недостатке любви к России.

«Ради исцеления сына, не разгадав истинный мрачный облик...»

Но не надо забывать, что и при высоте своего положения она всё же остаётся и сиротой, и одинокою. Матери и отца у неё давно нет, а приближение каких-либо лиц рождает общественные и дворцовые толки. Для исцеления её сына, болезнь которого не поддаётся лечению докторов, ей указали однажды на Григория. Повторные исцеления вызвали её бесконечную благодарность, а его дар предвидения поразил её. Вскоре лица, в своё время удивлённые способностями Распутина, разгадав его истинный мрачный облик, стали указывать на это последнее обстоятельство Императрице, но было уже поздно: побороть влияние Распутина оказалось невозможно.

Императрица, ничего подобного не видевшая у себя на родине, была поражена всем этим, а как мать – и бесконечно признательна ему. Таким образом, она привязалась своим верным и благородным сердцем к человеку, исцелившему её сына.

Но этот человек оказался проходимцем, пачкающим повсюду её чистое имя. В этом явлении трагедия её жизни. Кроме тревоги матери, у неё на сердце есть и тревоги в связи со своим высоким положением. Кому об этом сказать, на кого опереться? В лоне церкви можно было бы найти такого человека в лице Патриарха, но его нет, и все интриги клонятся к тому, чтобы его и не было.

***«...старчество прячется и зреет в обстановке,
не имеющей ничего общего с большою дорогою жизни...»***

Между тем, высшим иерархам, по многим соображениям, трудно было выдвинуть старца, а общество не указало ей на это явление, потому что и само, в своей массе, никогда не искало его и для себя. Старца надо разыскивать, старчество прячется и зреет в обстановке, не имеющей ничего общего с большою дорогою жизни. Кроме того, старчество очень разнится и по силе, и по особенным качествам отпущенных даров.

Как тут было разобраться Императрице во всех этих оттенках и тонкостях, когда и коренные русские люди не все с ними знакомы. А вместе с тем, земной её путь очень труден. Видя сеть интриг и недоброжелательства вокруг себя, она ещё больше запутывается, цепляется за предполагаемую опору и с упорною экзальтацией отстаивает Григория, предполагая удержать в нём дух одухотворённого и одарённого человека себе на помощь.

«...душа её требует постоянных чудес...»

К тому же, когда она прикоснулась к явлениям сверхъестественного порядка, то всё остальное уже побледнело для неё, и душа её требует постоянных чудес. Таким образом, и в этом отношении она вступила на неправильный духовный путь – на желание постоянных знамений, этого редкого подарка с неба, даже при общении со старцами.

Если бы русское общество сознавало величие старчества и привыкло бы черпать духовные силы у его представителей, то не подпала бы несчастная Императрица-иностранка в руки пройдохи. Мы стали плохи и сами виноваты в своём посрамлении у себя и за границу. Так-то, моя дорогая деточка.

«тут какой-то рок...»

– Мама, тебя слушая, чувствую, что ты права, а как приедешь в Петроград, то снова поддаешься под влияние тамошних разговоров. Почему Государь не уступит и не прогонит эту мразь? Он ещё больше после этого владел бы сердцами людей. Ему достаточно один раз поговорить с человеком, чтобы приковать к себе его сердце на всю жизнь, его обаяние бесконечно, а поступки бывают так идеально красивы, что забыть их невозможно. Почему же в этом вопросе они оба слепы? Их с детства обучают такту – почему же они не видят, как все мучаются от близости к ним Распутина?

– Тут какой-то рок: пути Господни неисповедимы, а я всё же счастлива, что ты не истязал Григория!

– Но ты будешь довольна, мама, если кто-либо другой его убьёт? – Это клубок противоречий. Но помни, мама, я тебе одной всё рассказываю, ты понимаешь, – это вопросы чести, а за выдачу товарища отвечают своей жизнью.

– Не повторяй мне этого: твоя честь есть и моя тоже. Нельзя жить, не открывая никому своей души. Мать не продаст и не изменит. Я могу предполагать имена действующих лиц, но ты в сущности никого ведь и не называл, так что и тревожиться не о чем. Я старше тебя и рада помочь разобраться в запутанных клубках жизни. Теперешний – особенно тяжёл. Вот Саша всё повторяет: «On se joue de la dynastie»¹.

Я боюсь его предчувствий, а ты – кому присягал, тому и оставайся верен. Господь разберёт – Его святая воля, а не наше дело.

– Все пажи, мама, верны. Среди нас никто не изменил престолу и родине, – сказал он с чувством гордости за свой корпус.

Я хотела поправить, сказав, что и другие корпуса и учебные заведения дали бесконечное количество героев, но подумала – пусть гордится своей родной школой, это только ему на пользу – и, промолчав, поцеловала его. Наша беседа на этом и кончилась.

Скоро истёк отпуск Никиты и он уехал в Петроград...

«...всё переменилось в России...»

Да, действительно, всё переменилось в России, если безнаказанно, в зале, полном полиции, можно было призывать к кровавым действиям свой народ. Не хочется даже вспоминать имена лиц, слова и поступки коих были столь роковыми для нас, русских...

Пред нами вставали воспоминания Оптины, старцев, дорогих Елены Александровны и Сергея Александровича, – его предчувствия о грядущем наказании России, его рассказы о предупреждениях преподобного Серафима и всего русского старчества. Мы чуяли, что надвигается что-то жуткое и страшное, но что именно – мы не в состоянии были облечь в реальную форму. Государь не сумел или не мог пред любимую женою поступиться Распутиным, эту сатанинскую карикатуру старчества, петербургское общество не хотело или не могло ждать конца войны и нести свой крест с терпением. А злые силы нашёптывали, лгали, работали, издевались и клеветали. Уже открыто в обществе, на железной дороге, на улицах поносили Двор и Распутина.

Государь был на редкость обаятельным человеком, до войны Россия достигла при нём небывалого развития во всех отраслях; она шла к полному своему расцвету шагами гиганта, и надо же случиться такой нелепой истории, как распутиновщина, чтобы отшатнуть высший класс государства от Царя и этим, в сущности, произнести приговор над ним. Не отвернись общество, будь Патриарх – не было бы и революции.

Ни для кого не является тайной, что в марте 1917 года, вследствие всего этого, готовился дворцовый переворот, а потому, боясь его, силы другого лагеря поторопились провести свою февральскую «бескровную» революцию, затопив в крови и Двор, и всю Россию. Таким образом, то, что было произведено два года спустя кучкою отбросов и палачей в Екатеринбурге², было лишь следствием окончательного разрыва общества со своим Государем в шестнадцатом году.

¹ Династия поставлена на карту [прим. автора]

² В Екатеринбурге, в доме Ипатьева, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года Император Николай II, его семья — Императрица Александра Феодоровна, юные Великие княжны Ольга, Татиана, Мария, Анастасия и Цесаревич Алексей, — а также четверо верных слуг были зверски убиты большевиками.

Я шаг за шагом следила, в бессильном оцепенении, за этой трагедией. Раздражение было сильнейшее, смена министров стала уже почти неприличным явлением, нервозность обеих сторон была максимальная, сдержанная у Государя и не сдерживаемая в обществе¹. Духовный разрыв Петрограда с престолом произошёл окончательно, а репрессии после смерти Распутина ещё сильнее распалили страсти².

Катастрофа февраля 1917-го и побег в деревню

Двадцать седьмого февраля 1917 года разыгралась всем известная трагедия. Окна моей квартиры выходили на Литейный проспект, и здесь, более чем где-либо, можно было видеть отвратительное зрелище разбушевавшегося в человеке зверя. Ревели орудия, шла стрельба, стучали пулемёты, падали люди. Наискось от наших окон застрелился офицер, почти мальчик, когда взвод отказался ему повиноваться. Тело оттащили к ближним воротам, а лужу крови запорошило снегом.

Проносились осёдланные лошади без седоков. Жуткое зрелище! Вот умный конь остановился на мгновение на перекрёстке улиц – отовсюду стреляют. Куда бежать и где искать спасения? ... взор ищет выхода, голова поднята, грива развеивается на ветру и, не находя помощи, конь бросается карьером вперёд...

А всюду и везде снуют какие-то темноватые, непонятного вида люди. Тяжко и страшно на душе! Под окнами уже проходит ликующая и одуревшая толпа, которая особенно жутка ночью, на фоне зарева от горящего Окружного суда.

День за днём положение делается всё серьёзнее. Сердце сжимается при мысли о судьбе Царя и его, да и нашей собственной, разбросанной семьи. Где и как они проводят эти ужасные дни? Тяжело нам, но каково должно быть Государю³! Началось то, что мы, дети Оптиной⁴, давно ожидали! Мы

¹ Эта «нервозность» усиливалась распространением мифов о Распутине («конокрад», «хлыст», «старец», «обладающий неограниченной силой и влиянием на государственные дела»), с одной стороны, и чудовищной клеветы на Императрицу и всю Царскую семью, – с другой. «Каждое новое появление Распутина в столице неизменно сопровождалось возобновлением старых и появлением новых интриг. Из интимной переписки Государя Императора с Государыней Императрицей явствует, что когда Государыня сообщала Государю о советах или просьбах Распутина, Государь в своих ответных письмах неоднократно отвечал лаконической фразой решительного отказа: “Наш друг в этих делах ничего не понимает” или: “Наш друг дает весьма странные советы”. Иногда, в очень редких случаях, эти советы или просьбы Распутина независимо от него совпадали с собственными пожеланиями Государя» (Н Обручев в кн.: Царь и Россия. М.: Отчий дом, 2017. С. 39). Более подробный и конкретный рассказ о смене министров см. в воспоминаниях князя Дмитрия Оболенского (Там же. С. 152 – 154).

² Более подробно о роли Распутина и развитии переворота см., напр., в воспоминаниях Н. Обручева: «...эксплуатировалось самое большое несчастье в жизни Царской семьи <болезнь Наследника>, а из Распутина создавалась какая-то фантастическая политическая величина, имевшая неограниченное влияние на весь ход государственных дел России. Клевета же делала свое дело, и в конце концов из Распутина был создан жупел, которым широко пользовались для своей пропаганды Государственная Дума, безответственные подрывные революционные элементы и Немецкий Генеральный штаб. Этот распутинский фантом был окончательно зафиксирован его убийством – ненужным, гнусным и отвратительным преступлением, совершенным 16 декабря 1916 года, и был, собственно говоря, первым толчком к дворцовому перевороту, немедленно превратившемуся, с падением единственного государственного авторитета, каким был Царь-мученик для всего населения России, в тот “жестокий и бессмысленный бунт”, который постепенно захватывал народные массы России на том основании, что народ пришел к заключению, “что, раз баре Царя сбросили, теперь все можно”. Эту фразу можно было слышать по всей России, и стала она лейтмотивом того отвратительного явления, обильно политого кровью лучших русских людей, которое Керенский и его соумышленники и сотрудники по уничтожению России называли “великим, бескровным Февралем”» (Царь и Россия. М.: Отчий дом, 2017. С. 39).

³ В марте 1917 г. оппозиция и революционеры осуществили свои планы по свержению Русского Государя. Используя своих сторонников в Ставке, заговорщики захватили царский поезд и блокировали Государя в Пскове. Одновременно в Петрограде было свергнуто законное правительство и провозглашено «Временное» во главе с Керенским. В газетах был опубликован «Манифест» Николая II от 2 марта 1917 г. об отречении от престола. В этот день Государь записал в своем дневнике: «Кругом измена и трусость и обман!» Царь и его Семья были арестованы.

⁴ «*Дети Оптиной*» — духовные чада преподобных Оптинских старцев. В Оптиной пустыни бывали В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.А. Ахматова. Количество посетителей здесь не перечислить, оно огромно, это и Гоголь, Жуковский, Тургенев, Хомяковы, Аксаков, Тютчев, А.П. Толстой, братья Чайковские, Рубинштейн, Вел.Кн. Константин Константинович и его дети, убитые в Алапавске, Поселянин, С.М. Соловьев, Есенин и мн. др. Последний настоятель Оптиной пустыни – преподобномученик архим. *Исаакий II* (Бобраков) был расстрелян большевиками в 1928 г. Его предшественник – старец иеромонах *Никон* (Беляев) претерпел мучения и скончался в изгнании в 1931 г., как исповедник. В эпоху Большого террора несколько лет на территории Пустыни был концлагерь «Козельск-1». Преподобные оптинские старцы официально канонизированы РПЦ в 2000 г. Многие из насельников Оптиной пустыни были замучены большевиками и канонизированы в чине новомучеников. Монастырь восстановлен в 1987 г.

знали, что как только народ русский пойдёт против Царя – всякие бедствия начнутся на Руси, и реки крови покроют её. И только ради веры и святости избранных не даст Господь окончательно погибнуть Державе Российской.

Мысль о том, как бы собрать семью – не покидала меня. Скоро приехал с фронта Костя, чтобы никогда больше туда не возвращаться. Как его ни удерживали корпусной и дивизионный генералы, сколько благодарностей у него ни было от них, он считал, что его работа, при начавшемся разложении войск, будет бесполезна, а потому и оставаться дольше на фронте смысла нет. Сдав заместителю всё имущество и дела, двадцать четвёртого марта он приехал в Петроград. Между тем, город готовился к очередной нелепости – торжественным похоронам жертв революции.

Костя остановился у брата, дом которого был гораздо ближе к Варшавскому вокзалу, чем моё помещение на Литейном. И только днём ему удалось меня навестить. Мы сговорились съехаться на следующий день на Николаевский вокзал к отходу определённого поезда. Однако это легче было сказать, чем сделать: особым распоряжением всякая езда по городу в этот день была запрещена. А на моём попечении было пять оставленных детьми довольно крупных вещей, которые я должна была отвезти в деревню. Особенно смущал меня своим объёмом Сашин сундук. Долго я придумывала выход. Наконец, решила сложить детские вещи и мой небольшой багаж на дворничьи салазки для дров и при помощи двух горничных повезла всё это на вокзал. Девушки тянули, я сзади подталкивала. Снегу было очень мало, и полозья визжали на камнях. Везти было очень трудно. На наше счастье, какой-то растерзанный солдат, встретившийся на бывшей Малой Итальянской, предложил быть коренником.

– Хорошо, помогай, но больше пяти рублей дать не могу.

– Ладно. Ну, пристяжные¹, не отставай!

С шутками и прибаутками служивый с горничными домчали сани до вокзала. Я почти бежала за борзым коренником.

Костя ждал меня у вокзала, он с ужасом наблюдал за этой дикой картиной. Но всё кончилось благополучно, солдат вещей не присвоил, я расплатилась с ним и отпустила девушек, которые остались при квартире. Носильщик забрал багаж.

– Костя, как же ты-то добрался до вокзала?

– Мой способ едва ли был лучше твоего: два дворника на шестах, как на коромыслах, несли мой багаж.

Поезд опаздывал, и нам пришлось довольно долго ожидать в неузнаваемой зале первого класса. Вся оплёванная, затрёпанная, она была полна «товарищами». Вагоны оказались уже значительно загрязнёнными, первый класс был жалким подобием прежнего; однако пускали в него ещё по оплаченным билетам соответствующего назначения, потому он был, как и всегда, полупустым². Мы радовались поездке, мечтая начать собирать расплывшуюся семью и надеясь, что в деревне всё же будет лучше, чем в Петрограде, откуда гниль, по нашему предположению, должна была, но всё же с некоторою постепенностью, распространиться по России.

Праздник прошёл тихо и как-то нерадостно; жизнь в деревне со дня на день становилась всё

Великая княгиня
Анастасия Николаевна Черногорская

¹ Имеется в виду старинная русская запряжка трех лошадей для быстрой езды в санях: в центр запрягается *коренник* – самая сильная лошадь, которая идет размашистой рысью; к ней с двух сторон пристегиваются *пристяжные* лошади, скачущие галопом.

² Стоимость билетов в 1 классе стоила в полтора раза больше, чем во 2-ом, а во 2-ом – в полтора раза дороже, чем в первом. Зеленый вагоны 3-го класса обычно перевозили «простой народ», желтые 2-го оказывались востребованными обеспеченными слоями общества, синий же 1 класс, как правило, оставался полупустым из-за дороговизны билетов.

тяжелее. В конце мая появился из училища Серёжа, который привёз невесёлые вести: всяк, кто мог, – бежал из Петрограда. Вести о Царе и о его семье немало угнетали всех¹.

Мы ехали с тревожными думами на сердце, понимая, что русская неразбериха может закончиться только пугачёвщиной. Что предпринять? Где спастись? От Лены пред моим отъездом была получена тревожная телеграмма, которой она запрашивала меня, как ей поступить. Приехав к месту своей новой службы, дочь не застала там Великой княгини Анастасии Николаевны², в распоряжение которой должна была поступить. Мои телеграммы, видимо, не доходили, а письма, даже заказные, пропадали бесследно...

Встреча с послушницей

Зато пришло одно письмо, которое меня очень обрадовало: оно было от Маши³. Она писала из своего монастыря и, со свойственной ей аккуратностью, точно указывала день и час своего приезда к нам в деревню на месяц. Накануне этого дня Саша⁴ уехал гостить в соседнюю губернию к своему приятелю, и кучер остался дожидать мать Марию.

Как я счастлива была, наконец, её увидеть! Что за чудесная мысль осенила её – навестить нас именно в такое время! О чём только мы не говорили с нею и что только не вспоминали... Обсуждали теперешнее положение России, Церкви, положение Царской семьи и всех нас, задумывались над будущим, прикасались к дорогому прошлому. Сколько незабвенных воспоминаний соединяло нас: наша молодость, моя свадьба, первые годы моей замужней жизни и всё остальное, уже известное читателю. Обменивались мы впечатлениями об Оптиной, о старцах, о чудной семье Нилус⁵; много говорили о детях – о Кирилле, о Васе.

Маша рассказывала и о себе; лицом она совсем не постарела, наоборот, утончилась духом и словно помолодела. Она была уже в рясофоре, и я чувствовала, что только по смирению отодвигала день пострига и получения мантии⁶. Монашеское одеяние удивительно ей шло. Она вся была тишина и скромность, а глаза её были полны доброты и кротости. Мать Мария много рассказывала про свою обитель, про грядущего хама⁷, уже и туда протягивавшего свои отвратительные лапы...

Видение послушницы о будущем России

– Снилось мне, что я царская дочь, а отец мой вместе с тем и Царь Вселенной. Ему предстоит судить какую-то прекрасную собой и величественную женщину. На суд в назначенное время были приглашены иностранные представители, наши и прочие знатные лица. В великолепном дворце Царя, в одной из зал, стояло возвышение, на котором лежала на спине, будто спала, женщина необыкновенной величины, дивной красоты и в драгоценной одежде. Все приглашённые так же, как и я, стояли вокруг и смотрели на неё. Среди полной тишины вдруг послышался голос: «Царь идёт!» Двери распахнулись, и вошёл во всё своём могуществе и великолепии, при общем благоговейном молчании, мой отец, Он же Царь Вселенной. Трепет любви, восторга и поклонения объял меня,

¹ До августа 1917 г. Временное правительство содержало Царскую семью под арестом в Царском селе. Затем пленники были переправлены в Тобольск.

² Видимо, *Вел. княгиня Анастасия Николаевна Черногорская*.

³ *Мать Мария*, бывшая горничная княгини Маша, Марихен, духовно близкий ей человек; в описываемое время монахиня *Дугиненской обители*, в 45 километрах от Калуги, игуменьей которой была София (Гринева), подлинное имя героини сохранено.

⁴ «Саша» князь *Николай Иванович Лобанов-Ростовский* (1891–1969), старший сын княгини.

⁵ *Сергей Александрович Нилус* (1862–1929) религиозный писатель, несколько лет живший с семьёй в Оптиной пустыни.

⁶ Существуют три степени монашеского пострига: *рясофор*, *мантия* (малая схима) и *схима* (великая схима). Рясофорный монах (монахиня), или «инок» (инокиня), облачается в рясу и клобук; он не произносит монашеских обетов, но даёт обещание Богу вести непорочную иноческую жизнь. При постриге в мантию дают монашеские обеты: безбрачия, послушания и нестяжания; постригаемый нарекается новым именем, облачается в мантию; его называют «мантийным монахом» или просто «монахом». Постригаемому в схиму нарекается новое имя, он облачается в схиму (куколь), его называют «схимником», или «схимонахом».

⁷ «*Грядущий хам*», Спб, 1906 — Сборник, составленный Д.С. Мережковским, где в его одноименной статье было предсказано скорое появление сил, уничтожающих русскую и мировую культуру, — «хама», питаемого мещанством, пошлостью, хулиганством, атеизмом и пр.

глядя на неопишемую красоту и величие Царя. Он подошёл к лежащей спящей красавице, подложил свою правую руку под её затылок и вмиг, точно деревянную трость, переложил её лицом вниз. О, ужас! Открылась её нагота и позор! Она оказалась совершенно без одежды. Я стала сры-вать с себя, что могла, чтобы покрыть её, но это было напрасно, так как женщина была слишком велика. Вдруг слышу громкий голос моего отца: «Принесите орудия казни!» Я затрепетала от ужаса и открыла глаза. Видение кончилось.

– Это Россия, Маша. И её судьба. И это как бы дополнение к моему сну о кровавом млечном пути. Это наказание России за то, что она перестала быть Святою Русью: она выпьет чашу позора пред всем светом. Замечательный сон, Маша; вы сама, верно, чувствуете, что он принадлежит к разряду «зрений» – так, по крайней мере, думается мне, и всё, до мельчайших подробностей, должно исполниться в нём.

– Вот и я так полагала, но как это ужасно... А я всё же уверена, что не до конца прогневался Господь на Россию!

Много раз мы ещё обсуждали Машин сон, как и всё, совершающееся кругом, а время летело, и месяц пребывания у нас прошёл незаметно. Как грустно, как тяжело было мне расставаться с нею, точно с её отъездом отрывался кусочек моей души. Мне казалось, что сама она вступает на крестный путь. Будущее монастырей и обитателей виднелось мне в тяжёлом тумане. Мы все вышли провожать Машу. Я долго смотрела ей вслед. Приведёт ли Господь ещё нам свидеться с нею на земле? Милая, дорогая Маша, выдержит ли её здоровье суровые условия постоянного недоедания и нескончаемые тревоги за судьбы родины, которую она любила также сильно и верно, как верна и крепка была её душа?! Она всё боялась, что при слабости здоровья может наступить время, когда она станет бесполезной для обители. И это предположение настолько мучило Машу, что ей уже хотелось поскорее отойти к Господу, чтобы не быть в тягость монастырю в дни лихолетья.

«...Всё становилось плохо: и люди, и товары»

Всё становилось плохо: и люди, и товары. Я не могла, например, достать подходящую обувь для Кирилла¹. Можно было только найти залежавшиеся третьеклассные башмаки с острыми носами, совсем не подходящие для ребёнка. Не долго задумываясь над этим, я сама, урывая время между укладкой вещей и занятиями с Кириллом, сшила ему пару башмаков. За неимением кожи взяла чёрную плотную материю, выкроила из неё заготовку, приладила кожаный носок из перчатки, устроила шнуровку и приделала верёвочные подошвы. На моё счастье, я когда-то изучила два ремесла – делать башмаки и шляпы. И как мне это пригодилось!

Каждая страна производит свою плетёную обувь, сообразно материалам, которые в ней имеются. У нас в России дошли в этом отношении до виртуозности. Я видела бальные туфли (а потом и сама научилась изготавливать подобные), сделанные в монастыре, из голубой парчи с модным обтяжным каблучком и с заплетённой шпагатом подошвою. Это было настолько красиво и элегантно, что трудно придумать что-нибудь лучшее. Отсутствие кожи и её дороговизна стали выдвигать в России, с семнадцатого года, все виды верёвочного башмачного производства, кормившего многие семьи. Кирилл, к счастью, не смущался своею обувью, а, наоборот, даже щеголял ею, так как ему было приятно, что это было сделано мною...

*«Кирилл»,
князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский*

¹ «Кирилл» князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1907–1948), отец Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

В октябре я решила ехать в Москву и Петроград, надеясь ликвидировать квартиру и спасти, что было возможно. Однако выбор времени выезда оказался неудачен, и я попала в Москву ко дню её бомбардировки. Пробраться к родным мне не удалось: езда по городу почти прекратилась, палили по святыням и куда попало¹.

Руководили действиями не только большевистские заправилы, но частенько и немцы – из засад можно было услышать их команду: «Feuer!»²

Я тут же поспешила обратно на вокзал, пройдя не больше нескольких кварталов. Даже пешеходам путь часто преграждался: ходить по улицам было тяжело, жутко и опасно. Однако поезда шли безостановочно. К Петрограду я подъезжала, когда велись военные действия близ Царского Села, откуда доносился далёкий гул снарядов.

По приезду я немедленно же ликвидировала квартиру, но ничего не смогла ни спасти, ни достать. Новая власть уже наложила на всё свою порочную руку. Кто мог, из родных и знакомых, в панике от всего происходящего бежал, спасаясь и от голода, и от большевиков. Саша тоже уже решил бежать на юг, советовал это и нам. Таким образом, мне ничего не оставалось больше делать, как выехать обратно в Москву. Я попала туда в страшные и роковые дни, когда власть переходила к большевикам. Остановилась я у родных, буквально терроризированных всем происходящим. Трудно было узнать Москву: жизнь в ней стала скорее лагерной, чем городской. Всюду видна была неопишуемая грязь, город был наполнен растерзанными солдатами и всяким тёмным людом. Я оставалась в Москве не больше трёх-четырёх дней...

«Какая-то сила угнетала всех и вся...»

Спеша домой, я ужасалась от мысли ехать по железной дороге. Действительно, вагоны первого класса стали неузнаваемы: их коридоры и уборные были полны солдатами-дезертирами, мешочниками и всякими проходимцами, которым страшно было попасться на глаза. Я села в пустое купе. Чрез полчаса после отхода поезда какой-то парень уже орал в коридоре на мой счёт, подбивая своих товарищей:

– Да ты чего сумлеваешься, несознательный ты, а мне видать, что буржуйка, нечего с нею канителиться, швырк её через окно на рельсы, и была такова...

Притаив дыхание, я сидела в купе, ожидая худшего. К счастью, Господь послал мне на следующей станции двух приличных пассажиров, и хулиган замолк.

Погром и грабеж

Дома я застала тоже нерадостную картину: с водворением новой власти волна погромов усилилась. Разъезды казаков не успевали спасать усадьбы. Молодёжь из класса землевладельцев и городской интеллигенции большей частью находилась ещё на фронте, а оставшиеся в городе совершенно не были организованы, да и чувствовалось полное отсутствие у них подъёма и энергии: какая-то сила угнетала всех и вся.

В конце октября стояла невылазная грязь и слякоть. Управляющий по несколько раз в день телефонирует нам, предупреждая, что не может больше отвечать за вещи, если казаки немедленно же не прибудут.

Первого ноября, в семь часов утра, вновь послышался тревожный телефонный звонок. Я накинула халат и из спальни поспешила в залу. Управляющий взволнованным голосом убеждал немедленно прислать казаков:

– Дом мой окружён бабами, их около полтора ста. Хоть мужиков и не больше пятнадцати, но меня всё же не выпускают живым, если я не отдам им вещи. Сегодня ночью и на усадьбе уже кое-что вы-

¹ В ходе Московского вооружённого восстания (с 25 октября / 7 ноября по 2(15) ноября) большевиками были совершены варварские артобстрелы Кремля. Святыни Кремля серьёзно пострадали от бомбардировки: были повреждены Успенский, Благовещенский соборы, собор 12 апостолов, колокольня Ивана Великого, Патриаршая ризница. Пострадали кремлевские башни, часы на Спасской башне остановились, надвратный образ святителя Николая на Никольских воротах был разрушен.

² «Огонь!» (нем.)

краски, – они там и стёкла высадили. Бабы от меня теперь не отойдут: они порешили начать с этих сундуков и разобрать себе всё на наряды. Они же подстрекают мужиков и застрашали солдат, которые потому сговорились охранять только спирт. Умоляю помочь.

Я отошла от телефона в сознании полного бессилия: мы вызывали казаков все предшествующие дни и разговаривали с их старшим. Он имел приказ защищать достояние казны – спирт, на винокуренном заводе в другом конце уезда. К тому же казаки не спали уже две ночи, а им нужно было во что бы то ни стало отстоять цистерну. Он боялся, что от пьянства начнутся эксцессы ещё худшего порядка, как то было именно в соседнем уезде, где одна деревня пошла на другую, лилась кровь, и крестьяне тонули в водке. Нам от этого было не легче. Через полчаса опять послышался звонок по телефону, и я подошла вновь:

– Дольше держаться не могу, меня пришли предупредить, что бабы возьмут дом силой, если я не впущу их сам. Вот послушайте...

Управляющий перестал говорить, слышался стук, крики, грохот, упало разбитое стекло...

– Началось, началось! – крикнул в отчаянии управляющий и бросил трубку на стол.

Я продолжала слушать происходившее: падали стёкла, слышался глухой шум, как от потока воды, возня, отвратительные вопли, всё яснее и громче, но затем всё смешалось в один протяжный гул и стук от разбиваемых ящиков и замков, от крика и от топота. Над всем этим стоял как бы торжествующий вой. Я бросила телефон, ужас наполнил душу. Точно произошло святотатство. Ведь там находились образа: и благословение тата с её надписью и заветом мне на жизнь: «На любовь и верность», чудотворный образ Божьей Матери в золотой ризе, – фамильная драгоценность, которую я, из-за её ценности, боялась взять с собой в город. Были там и вещи моего мальчика, – и до них дотронулись воровские руки, и их они ворошили... о всём другом я уже и не помышляла, раз самое дорогое уже было расхищено

Костя перенёс это событие стоически: всеобщность участи если не смягчала, то притупляла печаль.

Вскоре после этого произошёл погром и всей экономии. Управляющий Тихого¹ готовил документы о причинённых убытках, а я составляла по нашей инвентарной книге опись всего разграбленного в доме, поторопившись закрепить происшедшее у бывшего члена Округного Суда обеспечением доказательств погрома. Кроме ценных вещей у нас были и музейные экземпляры – память о них хотелось закрепить судебным актом. День формальностей был и последним днём, когда священник ещё имел законное право, то есть, не отменённое декретом, приводить свидетелей к присяге, и они могли подтвердить свои показания целованием Креста и Евангелия. Уже тогда, опасаясь разгона, мы у судьи прислушивались к каждому стуку, выглядывали на улицу из-за плотно натянутых занавесок, чтобы следить за проходящими. Но, к счастью, всё обошлось благополучно, без инцидентов, и я вскоре же получила на руки судебный документ.

Между тем, подходила зима с её холодом и снегом...

Возвращение детей к Рождеству 1918 г.

Тысячи и тысячи солдат бежали с фронта, и только крайняя необходимость могла заставить ехать с ними вместе. Беда была попасть в эту разбушевавшуюся стихию – их разговоры, брань и общее поведение нельзя было даже описать словами. Сама Ксения была очень худа и изнурена; только вследствие её нервного подъёма мы не сразу это заметили. Накормив её и согрев, я поспешила поскорее уложить её отдыхать. Она спала, с перерывом для еды, около суток, но зато встала совершенно освежённой и бодрой. Опять пошли нескончаемые рассказы об ужасах бегства, о солдатах, об обнажении фронта, о различных моментах развала нашей, когда-то лучшей в мире, армии². Теперь картина этой трагедии

¹ *Тихое* условное наименование одного из имений Лобановых-Ростовских.

² Первым и самым важным толчком к развалу армии стал Приказ № 1 по Петроградскому гарнизону о демократизации армии, изданный 1 марта 1917 г. В первом пункте приказа было сказано: «Во всех ротах, батальонах, полках немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов». Выборные солдатские комитеты получили право осуществлять контроль над действиями командования. Положения приказа были вскоре распространены на всю армию. Следствием этого приказа стало резкое снижение ее боеспособности — падала дисциплина, исчезала координация между армейскими соединениями, армия превращалась в инструмент политической борьбы. Один из авторов приказа, меньшевик Иосиф Гольденберг, говорил в марте 1917: «Приказ номер один — не ошибка, а необходимость. В день, когда мы “сделали революцию”, мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство».

всем доподлинно уже известна, но тогда, за неимением газет, устные рассказы были единственно более или менее верными сведениями, доходившими до нас. Мы не могли считать советские «Известия» за газеты, так как их безудержное и отвратительное враньё всем было очевидно...

«Беда попасть в разбушевавшуюся стихию ...»

Перед Новым Годом опять случилась у нас неожиданная радость: пришла телеграмма из Орши от Никиты, извещавшего о скором своём приезде, а через день он уже был с нами. Тонкое лицо его подёргивалось, углы рта сжимались, глаза горели нервным огнём. Четверо суток он не спал и не ел, а из вещей у него осталось только то, что было на нём. Но он был жив и находился с нами – тогдашнее счастье наше по этому поводу трудно теперь и описать. Приезд Никиты домой ознаменовался, прежде всего, генеральным мытьём и дезинфекцией его платья. Орудовала Ксения, ловко и быстро. Затем мы принялись отпаивать и откармливать Никиту. Какое счастье было, что у нас оказалось тогда своё молоко, хлеб, яйца, картофель и капуста! Мы придумывали всё, что только было возможно, лишь бы укрепить питанием силы прибывшего сына.

Никита бежал из Смоленской губернии, где его эскадрон, как и в Калужской губернии, участвовал в удержании местного населения от погромов. Полк, забыв традиции и былую доблесть, стал понемногу разлагаться, захватывать казённое имущество и офицерские вьюки. У Никиты было и очень хорошее бельё, и прочие вещи, которыми тоже завладели солдаты. Тогда вахмистр Будённый, желая, видимо, помочь офицеру, почти мальчику, предложил ему выкупить их у солдат за двести рублей. Никита отказался пойти на компромисс и потребовал возвращения как своих вещей, так и казённого имущества. Конечно, это разъярило и без того возбуждённых солдат, и они ему пригрозили самосудом. Всё происходило во дворе, где стоял эскадрон и откуда должен был выехать на станцию за командиром, тут же стоявший, готовый уже автомобиль. Никита бросился в него, выхватил два заряженных револьвера, бывшие всегда при нём, и, направив один на солдат, а другой на шофёра, приказал ему немедленно ехать на станцию. Шофёр со страху покатил, толпа солдат оторопела, прошло мгновение, момент был упущен, Никита быстро удалялся от них, держа всё время револьвер наготове. Когда он прибыл на вокзал, поезд уже пришёл – оказалось, что командир благоразумно не приехал. Никита бросил шофёру единственную, оставшуюся у него бумажку в пятьсот рублей, и прыгнул в вагон. До размена ли было тут при таком возбуждении, когда поезд уже отходил! Он был спасён, но какую ценою и каким нервным подъёмом! ...

О развале всей армии Никита рассказывал всё то же, что и Ксения...

Вскоре Никита освоился со своею новою жизнью и вошёл в тесные сношения с несколькими дружившими с нами семьями. Единение молодёжи было тогда особенно необходимо, ввиду надвигавшихся вражеских сил. Всё уже предвещало их скорое прибытие: из Москвы приехали агенты большевиков для организации своих учреждений и подыскания себе в ускоренном и им свойственном порядке, помещений. Хамом запахло давно, а теперь должны были воцариться и его сатанинские слуги...

Помощь потерпевшим от нового строя — благотворительный бал

В городе, тем временем, шло постепенное обеднение, а в некоторых случаях и обнищание многих его обывателей. Ввиду того, что единоличную помощь мало кто уже мог оказать, образовался комитет под моим председательством, имевший целью отыскание средств для поддержания лиц, потерпевших от изменившегося строя. К этим лицам принадлежали и подвергнувшиеся гонениям священники – преподавание Закона Божьего было отменено; и судьи – суд был распущен; и обнищавшие, не успевшие ничего вывезти помещики и купечество – частная торговля замирала; и потерявшие свои места чиновники; представители бывшей полиции и прочие и прочие теснимые люди.

Для образования первого крупного фонда мы решились на конец апреля, на Пасхальной неделе, дать спектакль-концерт с буфетом, лотереей, а затем и танцами, которые бы привлекли местную молодёжь. Сейчас же нами были выбраны лица, заведовавшие отделами увеселений, а также приглашены и аристократические силы. Пошли приготовления и репетиции.

Для первого пополнения кассы нашего благотворительного общества я начала давать групповые уроки в доме у одной из наших знакомых, на долю которой выпало заведовать буфетом и лотереей на будущем вечере. Преподавала я шляпное искусство и башмачное ремесло. Все очень интересовались последним; привлекала возможность научиться делать верёвочные подошвы, так как кожа очень вздорожала. В особенности это необходимо было многодетным, семейным людям. За уроки вносили плату казначею общества и каждую неделю нуждающимся раздавали собранную сумму.

Провал тайной организации

Между тем, незаметно, одна за другой проходили недели великого поста, вступила в свои права весна, вернулся и мой Никита, но невесёлый. Петербургский период их работы кончился ничем. Задание заключалось в том, чтобы выхватить из рук большевиков петроградскую казну и вывезти её на восток, но измена погубила дело. Пойманные были расстреляны, а остальные расплылись. Однако от этого организация не распалась, и Никите вменялось в обязанность вернуться домой и вести на месте разведывательную работу, но, в случае новой необходимости, немедленно же явиться опять по условному вызову к обозначенному месту. Кроме того, к моему неописуемому ужасу, мой сын уже числился красноармейцем в отпуску и владел соответствующим документом, который и был ему вручён организацией.

Как-то в начале апреля выпал тёплый день. Мы сидели с Никитой в зале у открытого окна, обсуждая его новое социальное положение.

– Ты не так на это смотришь, мама, – говорил сын, – враг наш такого свойства, что мы должны работать и явно, и тайно. Если теперь в Петербурге наше дело не удалось, это не причина падать духом. Когда явится необходимость, я буду вызван и на открытую работу. Но как на поездку туда, так и для проживания здесь, мне нужен документ, тебя столь оскорбляющий. Наша работа сложна и направлена против ужасного врага. Его тайной организации мы должны противопоставить такую же и у себя. Ведь создатели и инициаторы революции скрываются, как змеи в норах, а бушует направленная грубая озверевшая масса...

Только изворотливость и ловкость поможет в минуты трудностей и опасностей

Слова Никиты были прерваны криком и шумом, доносившимся со двора. Мы поспешили вниз. Какой-то красноармеец, переругиваясь с нашим австрийцем, лез в конюшню. Мы спросили, в чём дело. «Товарищ» стал возбуждённо доказывать, что с нас довольно и водовозки, а ему нужен шарабан и вторая лошадь.

– Как вам не стыдно так вести себя и врываться в чужой дом, чтобы обирать жителей, Бога побойтесь, – сказала я ему.

– А вам не стыдно столько годов нашу кровушку пить, да чужим трудом жить: побарствовали и будя.

После слов красноармейца Никита побледнел, лицо его стало словно известковая маска, но он мгновенно сдержался и ответил:

– Вы не тревожьтесь, я живу в этом же доме, служу там же, где и вы, и знаю, что эта лошадь и шарабан предназначены для высшего начальства, для которого они и хранятся здесь. Может быть, вы имеете мандат? – Тогда кучер передаст вам всё по принадлежности.

Мандата, конечно, не оказалось.

– Очень сожалею, но ничего в таком случае сделать для вас не могу, – сказал Никита.

Посрамлённый красноармеец поспешил уйти.

– Вот, дорогая мама, подтверждение моих слов, – говорил Никита, когда мы возвращались с ним в дом, – скажи он ещё хоть одну грубость, я должен был бы с ним поступить по-военному. Последствием этого был бы разгром всего дома, уже не говоря о моей личной участи. С ними нельзя никогда вступать в пререкания. Предположим, что ты бы ему ответила: «Я вас никогда не видела и крови вашей не пила», и прочее, что говорят в таких случаях. Ну, к чему бы это привело? Никогда не борись, мама, негодными средствами: у тебя ведь есть над подобными лицами громадное преимуще-

щество – его и употребляй, как средство борьбы, но не действуй убеждениями, ибо в наше время в наших руках это гнилое средство. Ты видишь, как мы быстро отделались от него, ответив ему тем, что привели его в состояние трепета и уважения. Имей в виду, что мандата ему никогда не получить: у большевиков своя аристократия, которая себе всё и добывает, но она жадна, гнусна, жестока.

Всё это было правда, но как печально было слышать подобные речи от девятнадцатилетнего юноши! Необходимо было принять к сведению, что только изворотами и ловкостью, но отнюдь не прямою, ещё можно было помочь себе в минуты трудностей и опасностей.

Предсказание болящего Иоанна-прозорливца

Пасхальная неделя проходила, а от Саши и Лены всё не было писем. Эта неизвестность особенно была тяжела в такие дни. В субботу на Святой приехала нас проведать и поздравить милая старушка Мария Павловна. Она будто сияла какой-то внутренней собранностью, и видно было, что все заботы и тревоги не могли заглушить в ней этого настроения.

– А вы, слава Богу, хорошо выглядите, Мария Павловна, никто не даст вам ваших лет.

– Э, матушка, Ваше сиятельство, это меня так старичок наш, болящий Иоанн подправил; ведь я к нему ездила с одною женщиною из нашего села, в четверг только вернулась, а сегодня с учительницею нашей прибыла в город вас повидать, с Праздником поздравить, да про свою поездку рассказать. Много я утешена беседою с батюшкою. Ведь я стара, а сироты мои малы: боюсь, не доведу их до дела, да и времена настали лихие, не прожить без Божьего человека.

Он меня поддержал, приказал не сомневаться в промысле Божьем, а потом, как кончил со всеми моими делами, да и говорит: «А ты, старая, не плачь, не тужи, а лучше поезжай к своей княгинюшке, да и скажи ей от меня: кланяется, мол, Болящий, да не велит ни об сыне, ни об дочери убиваться, а чрез две недели пусть, мол, ждёт весточку».

– Да кто это, Мария Павловна, болящий Иоанн? Откуда он меня знает?

– Да Вы, матушка, Ваше сиятельство, почитай, двадцать годков в Захарине не жавали, всё в Рукавишникове, да в Рукавишникове, а тем временем здесь старичок объявился. Он живёт в женской Крестовоздвиженской обители, что пониже по нашей же речке, только в другой, Алтуховской губернии, – ведь мы, почитай, на рубеже живём.

Батюшка сам из крестьян, тихий он уродился, да богомольный, хорошо грамоте был обучен в школе, а как минуло ему девятнадцать годков, как-то неловко он упал и стал болеть, а потом и движения лишился. Посетил его Господь, но и не без милостей: год от году болезнь крепчала, да милость Божья прибывала. Да вот съездите к нему, ваше сиятельство, сами увидите, что за прозорливец! У него, почитай, сотни в день человек пребывают, одно наше здесь и утешение. Вот он, Болящий, ведь духом о вас провидел, да и велел мне передать его слова. А там, матушка, увидите, сами судить будете, – правду ли старая сказала. Беседовала я с ним в эту среду, значит, и вам чрез две среды надо ждать весточку...

Суrowa была природа — бушевали и люди

Несмотря на май месяц, Фомина неделя принесла возврат холодов и сильных заморозков. Суrowa была не одна природа, бушевали и люди. Вскоре из соседней губернии пришли известия о начавшихся там истязаниях, пытках и убийствах. Первой жертвой пал всеми любимый председатель одной из уездных управ: он закопан был живым в землю. В нашем городе забили тревогу. В столицах начались террористические акты. У нас заработала «чека», давно уже открытая в доме бежавшего купца. Там же жили и лётчики, отношения которых с этими главными представителями большевиков с каждым днём ухудшались. Пошли аресты, и мы стали готовиться к худшему. По вечерам ещё плотнее закрывали драпировками окна залы, прислушиваясь к каждому стуку... Тяжело нам с Ксенией было готовить мешок с вещами первой необходимости, на случай ареста одного из членов семьи. Часто забежал кто-либо из знакомых и оповещал о новой травле и новых бедах, постигших то одно, то другое семейство...

Как-то вечером, когда Никиты не было дома, зашёл к нам сосед по квартире, Захар Иванович Потапов и, отводя у нас душу, засиделся до одиннадцати часов. Служа в полиции, он дошёл до генеральских чинов, а затем был директором банка, в коей должности и оставался до последнего времени, так как большевики не подозревали о его прежней деятельности.

Вдруг у нашего дома, на улице, послышались шаги и голова, а затем раздался сильный стук прикладом ружья в дверь. Встревоженная Анна Семёновна бросилась в переднюю.

– Кто там?

Грубый голос ответил:

– Отворяй, тебе говорят – из Чрезвычайной Комиссии. Здесь живёт бывший князь Захарин!?

Сомнения не было – это арест.

– Откройте! – послышался с верхней площадки спокойный голос моего мужа и, обратившись к нам, он сказал:

– Прошу вас, не делайте ни малейших демонстраций.

По лестнице поднималась ватага «товарищей».

– Что вам нужно? – тем же спокойным голосом спросил их Костя.

– Вот мандат на арест бывшего князя Захарина, где он тут?

– Это я.

– Собирайтесь, товарищ, можете со своими проститься и кое-что с собою взять.

Ксения пошла за приготовленным мешком. Костя отправился в соседнюю комнату, перекрестил спавших детей, простился с нами, надел пальто и немедленно двинулся с «товарищами» вниз по лестнице. Прислуга стала запирает за ним дверь, а мы вернулись в залу. На диване полулежал в сердечном припадке наш сосед. Ксения бросилась ему помогать, и это дало другое направление нашим возбуждённым нервам. Когда Захар Иванович пришёл в себя, выпил воды и спокойно стал дышать, то сказал со смущением:

– Простите, пожалуйста, моё поведение, не выдержало моё сердце, никогда не видел, чтобы арест и прощание происходили бы при таком абсолютном спокойствии и тишине. Это именно и подействовало на меня. Господи, что за тихий ужас! Не прислать ли жену и дочь посидеть с вами?

– Нет, помилуйте, Захар Иванович, теперь всем нам нужны силы. Мы с дочерью давно переболели душою... когда готовили дорожный мешок, – может быть, было ещё тяжелее. Теперь надо всем идти спать, потому что и на завтра нужны силы: необходимо будет ходить по разным учреждениям и хлопотать об освобождении.

Послышался звонок, вбежал Никита с тревогою во взоре.

– Мандат на арест папа уже выдан, это произойдёт сегодня ночью. Где папа?

– Его уже арестовали.

– Негодяи! – только и мог он произнести и присел на стул, блее снега.

Через мгновение Захар Иванович стал прощаться.

– Помогите вам, господа, – уходя, подавленным голосом сказал он.

Никита вышел его проводить. Через минуту он вернулся и сообщил нам об аресте нашего предводителя дворянства и прочих помещиков.

– У нас есть сведения, что берут заложников. Надо обдумать, как завтра действовать.

Мы начали совещаться и не заметили, как бежало время. Пробыло час ночи.

– Дети, пойдёмте спать, на завтра нужны силы.

В это время у парадного крыльца послышался стук и мы бросились вниз:

– Кто тут?

«Князь Захарин», «Костя», князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский

¹ «Бывший князь Захарин», «Костя» князь Иван Николаевич Лобанов-Ростовский (1866-1947), супруг Веры Дмитриевны, дед Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

– Отворите, это я! – послышался голос Кости. Мы с радостью бросились открывать дверь

– Какими судьбами тебя отпустили?

– Сам не знаю. Я долго ждал очереди в душной накуренной комнате, но, когда меня повели на допрос, то я очутился пред совершенно незнакомым мне лицом, по-видимому, из приезжих. Он записал все нужные сведения, взял с меня подписку о невыезде и сказал, что я пока свободен. Вот идти обратно, в совершенной темноте, было трудно. Нет ли чего-нибудь выпить?

Ксения принесла отцу стакан молока и кусок чёрного хлеба. Я видела, как Косте необходимо было хоть чем-нибудь подкрепить нервную систему, и жалела, что ничего горячего под рукой не оказалось. Лицо Никиты просветлело, и мы, успокоенные хоть на время, скоро разошлись по нашим комнатам. Долго ещё, раздеваясь, мы шёпотом говорили с Ксениею о том, как надо благодарить Господа за такую к нам Его милость.

– Какой сегодня день, Ксения?

– Да вот среда пошла, бьёт два часа ночи, – отвечала она слабеющим голосом.

– Да, думалось мне, вот две недели, что Мария Павловна со старцем говорила, и зачем только она его слова передавала, – всё это пустое...

